

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД ЕВРЕЕВ
НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОРОГ НА УЧАСТКЕ МЕЖДУ
УМАНЬЮ И КИРОВОГРАДОМ, 1942–1943 гг.*

Привлечение гражданского населения, в том числе еврейского, а также советских военнопленных к строительству дорог на территории Украины, оккупированной нацистами, остается мало изученной темой в историографии. Вопросам участия украинцев в немецких службах обеспечения уделено несколько страниц в работе Ивана Дерейко «Місцеві формування німецької армії та поліції у райхскомісаріаті “Україна”» (1941–1944 рр.)¹. Немногими зарубежными авторами, в частности, Джорджем Генри Беннетом, Андреем Ангриком, Германом Кайенбургом, затрагивались вопросы строительства магистрального шоссе DG-IV или же «Южного шоссе»

* Данная статья стала возможной благодаря участию автора в семинаре Федерального архива Германии и Центра по изучению Холокоста при Институте новейшей истории, Мюнхен, на тему «Архивные документы Холокоста» в августе 2016 г. в Берлине, а также стипендиям центра изучения Холокоста при Институте новейшей истории, Мюнхен, в 2016–2017 гг. Автор также признателен за предоставленные материалы и интервью директору Звенигородского районного краеведческого музея Елене Нарижной, научному сотруднику музея Станиславу Лячинскому и председателю еврейской общины г. Звенигородка Леониду Браславскому.

¹ *Дерейко І. І. Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941–1944 роки) /* Наук. ред. О. Г. Бажан; НАН України. Інститут історії України. – Київ: Інститут історії України, 2012. – С. 39–42.

общей протяженностью 2175 км², которое после нападения Германии и ее союзников на Советский Союз стало главным строительным проектом нацистов. Данное шоссе предназначалось для перевозки военных грузов и соединило Германию со Львовом, Винницей, Брацлавом, Гайсином, Уманью, Кировоградом, Кривым Рогом и районом Сталино (нынешний Донецк). Далее дорога должна была через Таганрог достичь Кавказа. Согласно далеко идущим планам Гитлера, через десять лет после войны в современные поселки вдоль трассы должны были бы переселиться 4 млн немцев, а через 20 лет – 10 млн немцев.

Задачей данного исследования является анализ нацистской оккупационной политики в отношении еврейского населения Украины с целью привлечения его к строительству дорог и добыче камня. Особое внимание будет уделено судьбе евреев, которые содержались в рабочих лагерях и на протяжении 1942–1943 гг. работали в районах, прилегающих к магистральному шоссе DG-IV в юго-западных районах Генерального округа Киев (нынешней Черкасской области), а также в тех районах Кировоградской области Генерального округа Николаев, по которым проходило шоссе DG-IV. Создание трудовых лагерей и уничтожение евреев по окончании работ будут рассмотрены в комплексе антиеврейских мероприятий нацистского оккупационного режима.

Статья подготовлена на основе архивных материалов Государственных архивов Днепропетровской, Кировоградской и Черкасской областей, архива Черкасского областного Управления службы безопасности Украины, архива Института новейшей истории в Мюнхене, архива визуальной истории USC Shoah Foundation, сборников документов и материалов, изданных в Украине и за рубежом.

² Bennett G. H. The Nazi, the painter, and the forgotten story of the SS road. – London: Reaktion Books, 2012, *Angrick A.* Annihilation and Labor: Jews and Thoroughfare IV in Central Ukraine // R. Brandon, W. Lower (Hrsg.). The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization. – Bloomington: Indiana University Press, 2008; *Kaen-burg H.* Jüdische Arbeitslager an der “Straße der SS” // Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts. – 1999, Heft 1/96. – S. 13–39; *Siegfried Wolf.* Durchgangsstr. IV: <http://www.via-regia.org/bibliothek/pdf/S.Wolf.Durchg.4.pdf>; *Wenzel M.* Zwangsarbeitslager für Juden in den besetzten polnischen und sowjetischen Gebieten. – S. 147 // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. – Band 9. – C.H. Beck, München, 2009.

Реализация военно-стратегических планов нацистской Германии предполагала значительное улучшение имеющихся и строительство новых дорог на оккупированных территориях. Сразу после раздела Польши по пакту Молотова–Риббентропа на подконтрольных немцам территориях началось активное дорожное строительство с привлечением евреев из лодзинского гетто, в частности, на трассе Франкфурт/Одер – Познань³.

Уже в 1940 г. в отдельных районах Генерал-Губернаторства в Польше была создана система рабочих лагерей. С началом нацистской оккупации Советского Союза, в частности Украины, начались широкомасштабные дорожно- и мостостроительные работы, за которые отвечала военно-строительная организация «Тодт» (в дальнейшем – ОТ). Однако окончательно концепция DG-IV была сформирована при участии Гимmlера в феврале 1942 г. Начиная с марта 1942 г. и до конца 1943 г. руководил строительством лейтенант-полковник жандармерии Вальтер Гизеке, находившийся в подчинении главнокомандующего СС и полиции в Украине/Южной России Ганса-Адольфа Прютцмана. Задачи штаба Гизеке заключались в поставках рабочей силы и обеспечении безопасности строительства⁴.

ОТ в оккупированных регионах Советского Союза отвечала за строительство военных объектов и усиление проезжей части тысяч километров грунтовых и проселочных дорог, превращение их в мощные автогужевые дороги с современным тяжелым каменным или асфальтовым покрытием. Однако данная организация оказалась вовлечена в Холокост и при строительстве штаб-квартиры Гитлера под Винницей, и при работе над трассой DG-IV⁵.

³ Gruner W. Juden bauen die Strassen des Führers. Zwangsarbeit und Zwangsarbeitslager für nichtdeutsche Juden im Altreich 1940 bis 1943/44 // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. – 1996. – № 9. – S. 791.

⁴ Bennett G. H. The Limits of West German Justice in the 1960s: The Post-War Investigation of Walter Gieseke (Oberstleutnant of the Gendarmerie and SS) // *Law, Crime and History*. – 2013. – Vol. 3 (2). – P. 121–122: <https://pearl.plymouth.ac.uk/handle/10026.1/8883> <http://hdl.handle.net/10026.1/8883>; Angrick A. Forced Labor along the “Straße der SS” // *Forced and Slave Labor in Nazi-Dominated Europe. Symposium Presentations*. Center for advanced Holocaust Studies at the United States Holocaust Memorial Museum, 2004. – P. 84.

⁵ Lower W. *Nazi Empire-Building and the Holocaust in the Ukraine*. – The University of North Carolina Press, 2005. – P. 172.

Пока во второй половине 1941 г. фронт двигался на восток, таким трудоемким проектам, как строительство шоссе, не могло уделяться большого внимания. Ситуация изменилась в конце декабря 1941 г., когда положение на южном участке фронта стабилизировалось. Именно в этот период строительство магистрального шоссе DG-IV приобрело стратегическое значение для следующего этапа военной компании с целью перевозки военных грузов на фронт, а также для отправки в Рейх награбленного сырья и продуктов питания. Руководили работами 5 тысяч немцев. Штаб OT-Ост находился в Киеве.

Для DG-IV была создана специальная структура подразделений СС и полиции, на нее также ориентировалась система полицейских органов в рейхскомиссариате Украина. Ядром данной структуры стали штаб айнзатцгруппы С и айнзатцкоманда 5, преобразованная в службу полиции безопасности и СД в Киеве в октябре 1941 г.⁶ Строящаяся магистраль была поделена на участки, во главе которых стояли дорожно-строительные управления СС. Главные управления находились в Виннице, Кировограде, Кривом Роге и Сталино (Донецк). За участок Гайсин – Умань отвечало дорожно-строительное управление СС в Гайсине, во главе которого с мая по октябрь 1942 г. стоял гауптштурмфюрер Франц Кристоффель (Franz Christoffel), затем до апреля 1943 г. – унтерштурмфюрер Оскар Фризе (Oskar Friese). За строительство на участке Умань – Новоукраинка – Александрия отвечал штурмбаннфюрер СС, начальник полиции безопасности и СД в Умани Ксавер Шнеллер (Xaver Schnöller), за охрану участка – первое отделение второй роты специально созданного подразделения полиции безопасности на DG-IV во главе с Робертом Денеке (Robert Deneke)⁷.

К строительству привлекались советские военнопленные, румынские евреи, евреи Волыни, Галиции, Подолии, Центральной Украины, нееврейское гражданское население. По данным прокуратуры

⁶ Pohl D. Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // Ch. Hartmann, J. Hürter, P. Lieb, D. Pohl. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1944: Facetten einer Grenzüberschreitung. – Oldenbourg: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2009. – S. 178.

⁷ Archiv Institut für Zeitgeschichte, München (IfZ). – G1 01/06/2. – S. 530. Шнеллер вступил в НСДАП в 1925 г., затем был исключен из ее списков, в 1931 вступил в СС и в 1936 г. опять в НСДАП. В Умани сослуживцы называли его «крепким парнем из Умани» и «бешеным псом» (*Ibid.* – S. 649).

Любека, ведшей следствие против группы бывших служащих строительного-дорожных управлений СС на трассе DG-IV, весной 1942 г. на строительстве работало около 50 тысяч местного населения, 50 тысяч военнопленных, 10 тысяч евреев⁸. Эти общие данные, вошедшие во многие научные публикации, во-первых, являются весьма приблизительными и, во-вторых, не проясняют того факта, что по своему происхождению евреи могли быть как местными жителями тех регионов, где шло строительство, так и депортированными из Транснистрии, румынской оккупационной зоны⁹. Не исключено также, что евреи из румынской зоны оккупации привлекались не только к строительству в прилегавших к Транснистрии районах генерального округа Киев, но и на более отдаленных участках. Так, например, в Днепропетровском областном архиве хранится сообщение начальника полиции села Пятихатки командиру охранной полиции Днепропетровска от 23 сентября 1942 г., речь в котором шла о работе на строительстве дороги «1300 евреев без определенного места жительства»¹⁰.

Строительство DG-IV, начатое в Восточной Галиции осенью 1941 г., было одним из немногих масштабных проектов, к которым привлекали евреев. Важными факторами стали холодная зима 1941–1942 гг., которая приостановила маховик их массового уничтожения в некоторых районах Центральной Украины, и, как уже отмечалось, острая потребность в рабочих руках. Руководство айнзатцгруппы С рекомендовало объединить использование евреев на строительстве дорог в южной части восточного фронта с их уничтожением, что и было воплощено главным образом в 1942 г. Вдоль дороги возникла сеть рабочих лагерей. Источником рабочей силы служили, в первую очередь, гетто на территории рейхскомиссариата Украина (РКУ), в частности, генеральных округов Волынь–Подолія (гетто в Летичеве), Житомир (гетто в Немирове, Гайсине, Теплике), Киев (гетто в Звенигородке, Умани и Шполе). По подсчетам Мартина Дина, количество гетто по генеральным округам РКУ распределилось следующим образом:

⁸ *Angrick A.* Annihilation and Labor. – P. 190–223; *Kaienburg H.* Jüdische Arbeitslager an der “Straße der SS”. – S. 13–39.

⁹ *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – S. 178–179.

¹⁰ Державний архів Дніпропетровської області. – Ф. Р-2567. – Спр. 9. – Арк. 45.

Еврейские гетто в РКУ¹¹

Генеральный округ	Закрытые гетто	Открытые гетто	Экстерминационные гетто*	Всего
Волынь–Подолия	86	22	4	112
Житомир	26	19	8	53
Киев	14	7	5	26
Николаев и Днепропетровск	7	6	5	18
Всего	133	54	22	209

* Экстерминационными («Destruction») Мартин Дин называет гетто с коротким сроком существования (от двух до восьми недель), то есть созданные для последующей селекции узников и их уничтожения.

Таким образом, из общего числа гетто в РКУ – 209 – в рабочие лагеря попали узники только семи гетто, хотя практика использования принудительного труда узников так называемых рабочих гетто (открытых и закрытых), в отличие от экстерминационных, была повсеместной: каждый день начинался с того, что юденрат распределял евреев в возрасте от 14 до 60 лет на различные работы. В провинции ранней весной это были сельхозработы, уборка улиц, ремонт дорог, зимой – расчистка снега на дорогах. Небольшие группы ремесленников обслуживали немецкие подразделения. В результате периодически проводившихся селекций уничтожались нетрудоспособные евреи. В некоторых случаях, как, например, в Буках, гетто было превращено в рабочий лагерь. К лету 1942 г. большинство гетто и рабочих лагерей в РКУ было уничтожено, хотя отдельные рабочие лагеря продолжали существовать до конца 1943 г.¹²

Рабочие лагеря вдоль трассы и в прилегающих районах возникли как на территории генерального округа Киев, так и на территории генеральных округов Волынь–Подолия и Житомир. Ограниченность

¹¹ Dean M. German Ghettoization in occupied Ukraine: regional Patterns and Sources // The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations, occasional paper. Washington, D.C.: Center for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum, 2013. – P. 84; Электронный ресурс: <https://www.ushmm.org/research/publications/academic-publications/full-list-of-academic-publications/the-holocaust-in-ukraine-new-sources-and-perspectives>.

¹² Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. – Volume II. Ghettos in German-Occupied Eastern Europe. Part B / Geoffrey P. Megargee, General Editor. Martin Dean, Volume Editor; Introduction by Christopher R. Browning. – United States Holocaust Memorial Museum. The Center For Advanced Holocaust Studies. Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, 2012. – P. 1318, 1585.

источников по данной теме не дают возможности составить полную картину привлечения евреев к строительству. На участке Винница – Умань насчитывалось около 30 рабочих лагерей¹³. Известно также, что отобранные в августе 1942 г. во время селекций в Подолии 2 тысячи физически крепких узников были направлены в лагеря по строительству DG-IV¹⁴. Особый случай представлял собой город Летичев в генеральном округе Волянь–Подолия: там одновременно существовали и гетто для местных евреев, и рабочий лагерь для евреев Бессарабии, Буковины и северных районов Подолии в количестве от 200 до 1500 человек. И те, и другие строили дорогу, соединившую Винницу с Проскуровом, при этом узникам гетто платили зарплату. В конце лета 1942 г. в гетто провели селекцию и неработоспособных расстреляли. Рабочий лагерь просуществовал до конца 1943 г. Перед его ликвидацией части еврейских рабочих удалось бежать в Транснистрию¹⁵.

Узники созданного в Гайсине рабочего лагеря, переведенные туда из Транснистрии, строили мост через реку Соб и по окончании работ были расстреляны двумя партиями по 230 и тысяче человек в октябре и ноябре 1942 г. В Немирове закрытое гетто было создано в августе 1941 г. Физически крепких мужчин и женщин ежедневно направляли из гетто на строительство дороги. Получая там продукты питания от местного населения, они приносили их своим семьям, и благодаря этому в гетто не было сильного голода. Селекции и массовые акции в гетто Немирова провели в конце ноября 1941 г. и конце июня 1942 г.¹⁶ Анализируя воспоминания Шели Мостовой, рожденной в Немирове в 1929 г., можно сделать вывод, что в результате селекций и массовых расстрелов, на разного рода работы, в том числе и на строительство дороги в 1942 г., попало менее 2 % еврейского населения города. «Рабочий лагерь находился в переулке Некрасова [...]. Он был огорожен колючей проволокой и круглосуточно охранялся [...]. Многие евреи некоторое время скрывались в лесах, прятались в домах украинцев [...]. Кто не нашел, где укрыться, кому некуда было деваться, шли в лагерь. Немцы месяца два их принима-

¹³ Archiv IfZ. – Gi 01/06. – S. 5312.

¹⁴ Ibid. – S. 1318.

¹⁵ Ibid. – S. 1405.

¹⁶ Encyclopedia of Camps and Ghettos. – P. 1551; Мы хотели жить... Свидетельства и документы. Книга 2 / Редактор-составитель Б. Забарко. – Киев: Дух і Літера, 2014. – С. 115–119.

ли – конечно, здоровых и трудоспособных, а стариков и детей расстреливали»¹⁷. Благодаря воспоминаниям Шели Мостовой можно в деталях представить себе тяжелые будни рабочего лагеря:

...Инструменты складывали в большие закрытые ящики вдоль дороги. Ящики открывали, когда нас пригоняли к месту работы. Мы стремглав летели к ним, чтобы выбрать лопату или кирку поострее, полегче, а полицаи подгоняли нас нагайками, дубинками, прикладами. Если участок дороги был в 1–3 км, мы шли пешком, если дальше – нас возили автомашинами. Работали без отдыха. Утром нам выдавали 100 г хлеба, днем привозили суп из чечевицы, иногда с кусочками конины. На обед отводилось полчаса.

Если кто-нибудь заболел, он оставался в лагере не более чем на три дня. Каждый день была переключка, на которой отмечали, кто болен и сколько дней. Тех, кто не выздоровел за три дня, уводили, и больше никто их не видел. То же самое ожидало людей в рваной обуви или одежде: их на работу не пускали, а уводили и убивали. Убивали и по неизвестным причинам, и без всяких причин¹⁸.

В отличие от генеральных округов Волынь–Подолія, Житомир и Киев, сохранилось мало сведений об узниках гетто в генеральных округах Днепропетровск и Николаев, которые также принимали участие в строительстве данной дороги. Хаим Шулькин, родившийся в 1928 г. в еврейской колонии Новожиитомир под Кривым Рогом, вспоминал, что уже летом 1941 г. в селе было создано закрытое гетто и до октября месяца все трудоспособные евреи занимались сельским хозяйством под охраной полицейских. В 5 км от села строилась дорога Кривой Рог – Днепропетровск (один из участков DG-IV). «Местные немцы из немецких колоний и украинцы на подводах подвозили большие камни, которые нужно было разбить и обработать до получения прямоугольного булыжника [...]. Женщины разравнивали кучи привезенного песка [...]. Кормили нас чрезвычайно плохо»¹⁹. В ноябре – декабре 1941 г. всех, кто оставался в гетто, включая стариков и детей, расстреляли. По завершении строительства данного участка дороги узников перевели в с. Любимовка Софийского района Днепропетровской области, где ранее находился пересыльный лагерь для

¹⁷ Там же. – С. 115–119.

¹⁸ Там же. – С. 121.

¹⁹ Там же. – С. 573.

военнопленных. Рабочий лагерь существовал с января 1942 г. по декабрь 1943 г. Первоначально в нем находились 500 узников, затем их число возросло до тысячи. В теплое время года все они продолжали работать на строительстве дороги, зимой занимались уборкой снега. В конце 1943 г. узники лагеря были расстреляны²⁰. Есть свидетельства того, что подобный лагерь существовал и в Малой Виске Кировоградской области, вошедшей в генеральный округ Николаев²¹.

Таким образом, в населенных пунктах вдоль магистрального шоссе в 1942–1943 гг. использовали труд узников и гетто, и рабочих лагерей. Проезжавший с инспекцией по магистрали в мае – июне 1942 г. высокопоставленный сотрудник ОТ, германский архитектор Рудольф Вольтер пришел в умиление от увиденного:

На нашей дороге, DG-IV, повсюду с большим напряжением идет работа. Под командой немецких сотрудников Организации Тодт находятся ненемецкие бригады. На первом месте по качеству стоят команды евреев. Как нам докладывали, они работают, частью добровольно, по две смены подряд [...].

Среди русских военнопленных можно увидеть самые различные группы: крепких мужчин украинского или русского происхождения, но гораздо больше (и намного) – представителей всех азиатских рас, таких, какими их можно увидеть в еженедельной хронике. Эти команды охраняются украинской милицией или литовской и латвийской полицией. Но основной контингент рабочих представлен украинскими женщинами и девушками. Руководители работ характеризуют их как очень исполнительных, прилежных и привычных к работе. По рабочим качествам они стоят выше мужчин. Женские команды даже внешне производят очень отрадное впечатление [...]²².

Что же стояло за этой картиной «освобожденного труда»? В 50-километровой зоне вдоль дороги работоспособное население не отправляли на работу в Германию. По разным сведениям, в 1943 г. общее количество рабочих могло составлять от 70 до 140 тысяч²³,

²⁰ Там же. – С. 736.

²¹ Там же. – С. 733.

²² Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии. 1941–1945. – Москва: Центрполиграф, 2010. – 351 с.: <http://argumentua.com/stati/ukraina-pod-okkupatsiei-1942-1943-gody-dnevnik-nemetskogo-arkhitekтора>.

²³ Angrick A. Annihilation and Labor. – P. 91.

в 1944 г. работы были остановлены. С учетом массовой депортации принудительных работников из Украины в Рейх и высокой потребности в сельскохозяйственных рабочих в рейхскомиссариате Украина, строительство дороги испытывало постоянную нехватку рабочих рук. Изначально основным рабочим контингентом были советские военнопленные. Как отмечает Карел Беркхофф, их привлекали к различным работам: они разминировали поля, занимались погрузкой и разгрузкой, рубили лес, собирали урожай, копали рвы, работали в карьерах и шахтах, а также выкапывали и закапывали массовые могилы для убитых евреев. С осени 1942 г. массово расстреливали неработоспособных военнопленных²⁴. Кристиан Герлах полагает, что нацисты обращались с советскими военнопленными во многом так же, как с евреями, хотя у военнопленных была одна возможность, недоступная евреям, – вступить в ряды вспомогательных или вооруженных частей Вермахта или СС²⁵. Несмотря на практически неограниченный количественный ресурс военнопленных, их производительность труда была низкой в силу физического истощения, а также моральной и материальной незаинтересованности. К тому же смертность среди военнопленных на строительстве в 1942–1943 гг. была выше, чем в лагерях для военнопленных²⁶. Ввиду неспособности военнопленных выполнять весь объем работ, было принято решение привлечь евреев и местное нееврейское население.

Добровольцами, которых упоминает Вольтер, могли быть евреи Буковины и Бессарабии, депортированные в Транснистрию. Уже в конце июля 1941 г. румынские власти депортировали десятки тысяч евреев за Днестр на ту территорию, которая 30 августа получила статус румынской зоны оккупации под названием Транснистрия. При этом немецкая сторона запретила перебрасывать через Южный Буг на немецкую сторону евреев Транснистрии (около 330 тысяч) и депортированных евреев из Буковины и Бессарабии, находившихся в гетто и лагерях на ее территории. К декабрю 1941 г. 108 002 еврея из

²⁴ *Berkhoff K.* Жнива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою. – Київ: Критика, 2011. – С. 112–113.

²⁵ *Gerlach Ch.* Der Mord an den europäischen Juden. Ursachen, Ereignisse, Dimensionen. – С.Н. Beck Verlag, München 2017. – S. 219, 416.

²⁶ *Angrick A.* Forced Labor along the “Straße der SS” // Forced and Slave Labor in Nazi-Dominated Europe... – P. 86; *Hartmann Christian.* Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 75. – München, 2009. – S. 617–622.

Бессарабии и Буковины были депортированы в три округа Восточной Транснистрии вдоль Буга: 47 545 попали в Тульчин, 30 981 – в Балту и 29 476 – в Голту. Всего в декабре 1941 г. в Транснистрии насчитывалось не менее 164 тысяч румынских евреев. В 1942 г. к ним добавились еще 6 737 евреев, депортированных из Буковины, Бессарабии и Южной Трансильвании. На территории Транснистрии было создано 38 гетто и 4 лагеря смерти. Около 84 тысяч евреев в возрасте от 18 до 50 лет были зарегистрированы для выполнения разного рода принудительных работ под надзором румынской армии в городах, рабочих лагерях и в сельском хозяйстве. В 1943 г. узники гетто в Могилеве-Подольском строили железнодорожный мост через Днестр. Общее количество румынских и украинских евреев, погибших на подконтрольной Румынии территории Украины, оценивается в 280–380 тысяч человек²⁷.

Известно, что в конце лета 1942 г. гауптштурмфюрер Франц Кристоффель, отвечавший за строительство дороги в районе Гайсина, по личной инициативе обратился к румынским властям с просьбой разрешить ему доступ в лагеря и гетто. Пообещав хорошие условия и питание, он уговорил значительное количество евреев добровольно оставить Транснистрию. Вероятно, что перешедшие через Южный Буг евреи, знавшие немецкий язык, надеялись, что в немецкой зоне оккупации им легче будет выжить. В августе 1942 г. префект Тульчина Логин передал более 5 тысяч евреев отрядам СС для строительства участка дороги Немиров – Брацлав – Семинец – Гайсин. 18 августа их перевели на немецкую сторону в лагерь Михайловка²⁸, где они были до августа 1943 г. Затем, боясь нападения партизан, их перевели в лагерь Тарасовка²⁹. Детей и стариков убили сразу по прибытии на место, работоспособных евреев расстреляли в октябре 1943 г. Одним

²⁷ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. – Одесса: РИО АО кинокомпания «Юг», 1998. – С. 90; Колокола памяти. Воспоминания бывших узников гетто и концлагерей, проживающих в городе Ашдод (Израиль). – Израиль – Ашдод. Издано амутой «Закарон», 2005. – С. 10, 273; Executive summary. Historical findings and recommendations: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/.../execsum.pdf>.

²⁸ Лагерь в Михайловке Гайсинского района Винницкой области существовал с мая 1942 г. по август 1943 г., когда партизаны освободили около 100 заключенных (Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941–1944). – Київ, 2000. – С. 48).

²⁹ Лагерь в Тарасовке Гайсинского района Винницкой области существовал до декабря 1943 г. (Там же. – С. 44).

из немногих спасшихся был художник Арнольд Дагани, который после войны опубликовал свой дневник и рисунки, и его жена³⁰.

Однако обращает на себя внимание несовпадение времени поездки Вольтера (май – июнь 1942 г.) и акции Кристоффеля по привлечению евреев из гетто Транснистрии (август 1942 г.). С учетом фрагментарности имеющейся информации о строительстве дороги можно предположить, что упомянутая акция Кристоффеля в августе не была первой и что евреев из Транснистрии привлекали уже весной 1942 г. По воспоминаниям узников лагеря в Печоре, «весной 1942 г. приехали немцы и стали отбирать молодых мужчин, женщин на строительство в какое-то село под городом Гайсин»³¹. Такая же селекция имела место в гетто Тульчина, однако во второй раз румынский префект не разрешил немцам вывезти людей со своей территории³².

Нередко узников гетто перебрасывали и с немецкой стороны на румынскую. Например, Бетю Мазус, присоединив к евреям в гетто Райгорода, заставили работать в каменном карьере на ст. Шамшены под Гайсином, где они «дробили камни, грузили вагонетки и толкали их на товарную станцию, где перегружали в вагоны. Камушками посыпали болотистые дороги, ведущие на фронт. Но и это длилось недолго. Когда установили дробилки, мы стали не нужны. Нас пересортировали, нетрудоспособных увели в лес и уничтожили, а остальных погнали берегом реки Буг до какого-то моста. Мост оказался германо-румынской границей. Каждого в отдельности перевели через мост, погрузили на грузовик и отвезли в немецкое гетто в местечко Брацлав, недалеко от Печоры. Гетто было на 400–500 человек. Работали на дорогах, в свиарнике, на конюшне»³³. Видимо, речь идет об одном из двух немецких рабочих лагерей, находившихся в Брацлаве на территории румынской Транснистрии, узники которых, румынские и украинские евреи, работали в карьере и на прокладке дорог. Об этих же

³⁰ Bennett G. H. Ebid. – P. 112–113; Arnold Daghani's Memories of Mikhailowka. The Illustrated Diary of a Slave Labour Camp Survivor. – London: Vallentine Mitchell, 2009; Daghani A. The Grave is in the Cherry Orchard // *ADAM International Review*. – 1961. – No. 291–293; Daghani A. Lasst mich leben! Weg und Ziel Verlag. – Tel Aviv, 1960.

³¹ Колокола памяти. – С. 270, 299; USHMM, USC Shoah Foundation Visual History Archive. Sophia Betenki. В упомянутой статье Ангрика «Forced Labor along the "Straße der SS"» речь идет о вербовках рабочей силы в лагере Печора на строительство дороги только осенью 1942 г. (с. 89).

³² Мы хотели жить... Книга 2. – С. 389.

³³ Колокола памяти. – С. 69.

лагерях рассказывает Абрам Бурштейн, уроженец с. Соболевка в Тепликском районе Винницкой области. Весной 1942 г. молодежь села отправили на работы в карьер Райгорода, а в конце июня 1942 г. – в Брацлав, где часть людей работала в карьере, а часть на ремонте дорог. Через два месяца, в конце августа, брацлавских узников отправили опять на немецкую сторону в лагерь Михайловка: «Туда привезли измученных, изувеченных, одетых в лохмотья евреев из Умани. Они были полуголые и истощенные. Мы ужаснулись, потому что мы были еще более-менее похожи на людей. Мы строили дорогу»³⁴. В конце октября в лагере Михайловка расстреляли больше 100 человек. Оставшихся евреев перевезли в Ивангород, куда протянули железнодорожную ветку, по которой подвозили камень. Как отмечает Абрам Бурштейн, «после событий в Сталинграде почти всех немцев забрали на фронт, а лагерь передали гражданским инспекторам, и было послабление в охране. Многие сумели убежать и добраться в Бершадь»³⁵. В Гайсинский лагерь в начале 1943 г. в очередной раз привезли буковинских евреев из Печор, и они тоже строили мост через реку Соб.

Инструктивным документом по использованию рабочей силы следует считать распоряжение от 28 июля 1941 г. «Директива Тодта всем организациям Тодта в восточных областях про порядок использования рабочей силы»:

«Еще во время моей последней поездки я детально разъяснил всем сотрудникам, что на российской территории действуют другие правила использования рабочей силы в отличие от Западной Европы. Использование рабочей силы необходимо при погрузке вручную и на подводы без вознаграждения. Рабочий за это получает скромное питание. Про выплату зарплаты во фронтовом районе без разрешения не может быть и речи». В другом документе Тодт высказался за необходимость привлечения евреев к вспомогательным работам, «например, в каменоломнях и карьерах, с целью высвобождения немецких рабочих рук для работы на дорогах»³⁶.

В районе Умани и Звенигородки были созданы лагеря в селах Бродецкое, Буки, Ерки, Неморож, Талалаевка, Шестаково. Строи-

³⁴ Мы хотели жить... Свидетельства и документы. Книга 1 / Ред.-сост. Б. Забарко. – Киев: Дух і Літера, 2014. – С. 116.

³⁵ Там же. – С. 117.

³⁶ *Gruner W.* Juden bauen die Strassen des Führers. – S. 789–790.

лись участки дороги между Уманью и Кировоградом, а также участки дороги, соединявшие DG-IV с Киевом через Ямполь – Катеринополь – Звенигородку – Лысянку. Созданию рабочих лагерей предшествовало уничтожение гетто в районных центрах Звенигородка, Шпола и Умань в мае 1942 г., в ходе которого была проведена селекция на трудоспособное и нетрудоспособное население. В результате массовых расстрелов были уничтожены старики, больные и дети. В Умани расстрелы провели литовские и украинские служащие охранного батальона № 8 в начале мая 1942 г. Один из подчиненных Ксавера Шнеллера, руководившего строительством на данном участке, в ходе следствия в начале 1960-х гг. в Западной Германии свидетельствовал: «Шнеллер объявил нам, что проживающие в Умани евреи могут уйти в лес к партизанам, и они не надежны в качестве рабочей силы. Поэтому он вынужден начать акцию по размещению евреев в стационарных рабочих лагерях»³⁷. Уцелевших в Уманском гетто после проведения двух акций работоспособных евреев перевели весной 1942 г. в рабочие лагеря вдоль трассы под Гайсином.

В районном центре Маньковка, что находился в 34 км к северу от Умани, 18 апреля 1942 г. работоспособные евреи из гетто были отправлены в рабочий лагерь в поселок Буки. Остальные, около 50 человек, дети и старики, были расстреляны 2 мая 1942 г. Туда же в Буки 26 апреля отправили евреев из села Пятигоры. Оставшиеся в Пятигорах 133 еврея были расстреляны в местном парке 16 ноября 1942 г.

В Ольшане, районном центре в 88 км к северу от Умани, 2 мая 1942 г. жителей гетто собрали в школе, без вещей, переписали и этапом отправили в Звенигородку, больных везли на машине. По воспоминаниям бывшей узницы Татьяны Шнайдер, 1925 г. р., «вся деревня вышла смотреть, все разграбили в гетто, хотя немцы не разрешили [...]. Тюрьма в Звенигородке очень страшная, высокая, как концлагерь. Через несколько дней начали отбор людей. Малых детей вместе с юденрат[ом] отправили в гетто [Звенигородки], мужчин почти не было. До 12 лет меряли по росту»³⁸.

Таким образом, в лагерь принудительного труда в селах Ерки, Бродецкое, Буки и Шестаково попали евреи – жители Катеринопольского, Звенигородского и Шполянского районов, их было, соот-

³⁷ Archiv IfZ. – G1 01/06/2. – S. 531.

³⁸ USHMM, USC Shoah Foundation Visual History Archive. Tat'iana Shnaider.

ветственно, около 130–140, 110 и 150 человек. Остальных расстреляли летом 1942 г. в урочищах Диброва под Звенигородкой (1375 человек) и в Дарьевском лесу возле Шполы (около 760 человек).

В воспоминаниях выживших евреев и местных украинцев условия работы на строительстве предстают как крайне тяжелые: «Кто отказывался работать – сразу расстреливали за сараем. Яма никогда не засыпалась. Работа на дороге очень тяжелая, совковая лопата очень тяжелая, а кирка еще тяжелее...»³⁹. Часть узников работала в гранитных карьерах сел Ерки и Буки возле реки Горный Тикич. Татьяна Шнайдер свидетельствовала: «Самая тяжелая работа была в карьере. Работали без рукавиц, зимой, камень холодный. Руками разбивали камни, а военнопленные, которые там были, тут же его укладывали. Мы с ними общались. Местные жители нам немного помогали едой: бросали на дороге свеклу, картошку. Мы их ели. Всегда были голодные. Мы никогда не раздевались, лежали кто где. Грелись рядом друг с другом»⁴⁰. Свидетель по делу одного из полицейских, бывший узник рабочего лагеря в Буках, Цолик Ф. рассказывал: «Били камень и вагонетками вывозили наверх. Все добывалось и вывозилось исключительно ручным способом»⁴¹.

Сбежавший от расстрела в Дарьевском лесу под Шполой Нухим Лукацкий вспоминал: «Во время работы, если не мог выполнять ее – таскать носилки с камнями, – немцы били палками, ногами и оружием (прикладами). Когда нас вели на работу строем, а мне было тогда 14 лет, я иногда от усталости и голода отставал. Немцы и полицаи били меня ногами и прикладами ружья, заставляя идти быстрее»⁴².

Бывшая узница лагеря Ольга Рудая (Зуслина), родом из райцентра Жашков, рассказывала: «Нас с мамой полицаи погнали этапом на карьер Буки – в село Антоновка. Скалы стояли там и, наверное, они еще есть. Каменоломы кололи их, а мы вагонетками возили и составляли в штабеля камни, которые потом отправляли на строительство дорог. В концлагере села Антоновка под Буками мы с мамой находились с 10 марта 1942 г. по 15 октября 1943 г. Как мы выжили? Как остались живыми? Спасибо каменоломам и их женам – они нас

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ АЧОУСБУ. – Спр. 9308. – Арк. 36.

⁴² Мы хотели жить... Книга 2. – С. 48.

подкармливали. Мы, кто остался живым, в большом долгу перед ними»⁴³.

Житель соседнего села Смельчинцы И. Л. Борулько, 1936 г. р., вспоминал: «В годы войны в Лысянке и Звенигородке проживало много евреев. С помощью местных полицаев немцы проводили облавы и арестовывали сотни евреев (в 1942 г. – *О.Р.*). Всех их поместили в колхозном коровнике села. Каждое утро арестованных евреев под конвоем немцев и полицаев выгоняли на грунтовую дорогу, где их заставляли укладывать камни и строить дорогу. Мы жили около дороги, и я каждый день видел, как они работают. Во время работы многие из них плакали. Среди евреев были люди старшего возраста и молодые. Они все прекрасно знали, что жить им осталось до вечера. В 18.00 они заканчивали работу. Под конвоем их уводили в лес (от нашего села Смельчинцы 1 км), заставляли рыть для себя могилы и расстреливали. Могила в лесу сохранилась. Каждый год к ней приезжают проведать родные, близкие, знакомые»⁴⁴.

Молодежь села Доброводы, которую также отправляли строить трассу, отмечала в послевоенных воспоминаниях, что «условия работы были невыносимо тяжелыми. Кому удавалось сбежать, прятались в Роговском лесу»⁴⁵. Находившиеся в лагере в Аджамке Кировоградской области жители района добывали камень в местном карьере и мостили им участок дороги DG-IV Кировоград – Кривой Рог. Сельская администрация в прилегающих к трассе селах, например, в Нерубайке, находившейся в 360 м от нее, обязана была поставлять не только рабочую силу на строительство, но и давать подводы⁴⁶. С приходом зимы местное население привлекалось к очистке дорог от снега в соответствии с распоряжением руководства Организации Тодт от 1 декабря 1941 г., в котором речь шла, в частности, о том, что «некоторые старосты еще не составили списков по закреплению людей на борьбу со снегом. Такое равнодушное отношение к делу большо-

⁴³ Там же. – С. 294–295.

⁴⁴ Велика Вітчизняна: спогади дітей війни: Збірка спогадів співробітників СУЕМ. – Черкаси: Східноєвропейський університет економіки і менеджменту, 2010. – С. 29.

⁴⁵ Нарис історії Уманщини (з найдавніших часів до 60-х років XX століття): Монографія. – Київ, 2001. – С. 168.

⁴⁶ Державний архів Кіровоградської області. – Ф. 2733. – Оп. 1. – Спр. 3. – Арк. 21.

го значения заставило нас принять суровые меры к старостам [...]. Старост четырех сел отправлено в концлагерь для пленных»⁴⁷.

Нееврейское население привлекалось и к укладке камня. Для этого городские власти Умани неоднократно делали попытки организовать курсы укладчиков брусчатки, указывая на то, что «нас, дорожников, в 1942 г. ждет небывалая по своим размерам работа – восстановить, а главным образом, построить новые дороги»⁴⁸.

И все-таки местное население во время принудительного труда находилось в намного лучших условиях, чем евреи и военнопленные. Их работа оплачивалась, они получали продукты, табак и одежду⁴⁹. Они не голодали, в то время как евреи были обречены на голодную смерть. Циничными выглядят попытки Ксавера Шнеллера оправдать себя во время следствия в ФРГ: «В моем районе было несколько еврейских лагерей [...]. Я заботился о том, чтобы евреи за свою тяжелую работу получали соответствующее питание». Точно также оправдывался учетчик лагеря для военнопленных Шталага 345 под Уманью: «Насколько я знаю, питание военнопленных было достаточным, поскольку было известно, что их отправят в Рейх и их следует подкормить. И я сам не раз убеждался в том, что физическое состояние первоначально изможденных военнопленных в скорости улучшалось»⁵⁰. О том, в каком состоянии находились военнопленные на строительстве дороги в районе Умани, можно судить по материалам архивных следственных дел. На территории Христиновского района дислоцировались два лагеря. На окраине с. Талалаевка с августа 1941 г. по декабрь 1943 г. располагался лагерь военнопленных и евреев. Военнопленные из этого лагеря были угнаны немцами, а евреи – расстреляны. В с. Ивангород в тот же период находился только лагерь военнопленных. Узники этого лагеря были угнаны немцами⁵¹.

Жестокость нацистов по отношению к евреям и военнопленным была повсеместным явлением, и ее копировали местные полицейские⁵². Житель Талалаевки Арсений В. свидетельствовал против од-

⁴⁷ Державний архів Житомирської області. – Ф. Р-1554. – Спр. 1. – Арк. 62.

⁴⁸ *Уманський Голос*. – 1941. – № 17. – С. 2.

⁴⁹ *Bennett G.* The Nazi, the painter, and the forgotten story of the SS road. – P. 88–90.

⁵⁰ *Archiv IfZ*. – G1 01/06/2. – S. 535.

⁵¹ АЧОУСБУ. – Спр. 12668. – Арк. 54.

⁵² *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. – New York: St. Martin's Press, 2000. – P. 76.

ного из них, конвоировавшего военнопленных и евреев на строительство дороги: «Уже было довольно холодно и сыро, а военнопленные, и, главным образом, евреи были почти все босиком и одеты в тряпье. В это раннее утро, когда колонна проходила мимо моего дома, я передал одному военнопленному, который проходил мимо моего забора, рукав от старого пиджака, чтобы он обернул им ноги. Это заметил полицейский Я., который подбежал ко мне и замахнулся на меня прикладом винтовки, чтобы меня ударить. Но я уклонился от удара, спрятавшись за плетень. Тогда Я. на моих глазах догнал военнопленного, которому я передал старый рукав, и ударил его прикладом винтовки по спине так, что тот упал в грязь, но быстро поднялся и скрылся в колонне»⁵³.

С уверенностью можно сказать, что за побег из трудового лагеря расстреливали и военнопленных, и евреев. София Яновская вспоминала: «После того, как я немного окрепла, немцы и полицаи стали меня из Уманского гетто гонять, как скот, на строительство дорог. У нас, когда мы работали, были случаи, что евреи удирали. Я помню такие 3 случая, причем, как только немцы и полицаи обнаружили побег еврея, нас всех выстраивали и каждого десятого выводили из строя и на наших глазах их заставляли копать яму и тут же расстреливали»⁵⁴. Но несмотря на тяжелую работу и условия жизни, пребывание в лагере могло отсрочить гибель, видимо, поэтому туда бежали евреи Умани, где, по словам Т. Шнайдер, «были страшные погромы»⁵⁵. Речь, видимо, идет как о погромах, устроенных украинской милицией и немецкими солдатами еще в конце сентября 1941 г., так и о множестве публичных экзекуций в первой половине 1942 г.⁵⁶ Кроме того, местное население называло погромами акции массовых расстрелов, последняя из которых имела место в Умани в конце апреля 1942 г. при ликвидации гетто.

Привлечение евреев к строительству дороги сопровождалось многочисленными принудительными перемещениями из одного лагеря в другой. Так, летом 1942 г. из лагеря в с. Ерки примерно 20 человек перевели в с. Екатеринополь, где они занимались заготовкой лесоматериалов. Затем их перевели в лагерь в с. Бродецкое. Жительницу Умани М. М. Файнгольд после ликвидации гетто 22 апреля

⁵³ АЧОУСБУ. – Спр. 12668. – Арк. 22.

⁵⁴ Мы хотели жить... Книга 2. – С. 655.

⁵⁵ USHMM, USC Shoah Foundation Visual History Archive. Tat'iana Shnaider.

⁵⁶ Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. – P. 1608.

1942 г. направили в лагерь села Кузьмина Гребля, через несколько месяцев – в лагерь села Михайловка, затем в лагерь села Краснополка. Ближе к зиме, когда дорожные работы замерли, узников отправили под Гайсин строить колбасную фабрику. Зимой их переселили в гетто. После окончания строительства в конце 1943 г. узников перебросили в лагерь села Талалаевка Христиновского района, где был карьер по добыче песка. Узники нагружали подводы и вывозили песок на дорогу⁵⁷.

Создание гетто и рабочих лагерей проходило в рамках нацистской оккупационной политики, но было бы невозможным без создания широкой сети полицейских и иных охранных военных формирований из числа местного населения. В частности, к охране магистрального шоссе DG-IV привлекался 124-й батальон шуцманшафта, сформированный с июля по октябрь 1942 г. в Кировограде. В феврале – марте 1943 г. батальон был передислоцирован в Умань, и полицейские взводы были распределены по селам вдоль дороги на участках Кировоград – Умань – Гайсин – Винница. Одновременно полицейские принимали участие в акциях против партизан и в расстрелах еврейского населения⁵⁸.

Охраняли узников полицейские из числа местных жителей, многие из которых были отпущены из немецкого плена осенью 1941 г. или же дезертировали из РККА в условиях отступления. После зачисления на службу они проходили одномесячный курс обучения в школе полицейских в Звенигородке⁵⁹. Полицейские находились в ведении начальника дорожного строительства по Екатеринопольскому району Манштейна.

В историографии вооруженного коллаборационизма на территории Украины немало внимания уделяется охранным подразделениям оккупационного режима, сформированным из местного населения. В работах американских, немецких и украинских историков рассматриваются целый комплекс причин поступления на службу и функции украинских полицейских. По мнению Франка Гольчевского, привлечение украинских подразделений охранной полиции, шуцманшафта, к охране еврейских гетто и лагерей – самая темная сторона немецко-украинского коллаборационизма во Второй мировой войне. Неме-

⁵⁷ Мы хотели жить... Книга 2. – С. 437.

⁵⁸ Дерейко І. Місцеві формування німецької армії та поліції... – С. 48–49.

⁵⁹ АЧОУСБУ. – Спр. 5430. – Арк. 8.

цкий историк полагает, что прежде всего в деревнях и селах украинцы были совершенно незаменимы для функционирования немецкого аппарата, и что значение этой коллаборации на низовом уровне совершенно не исследовано⁶⁰. О свободе действий украинской полиции в деревнях и селах говорит и Александр Прусин⁶¹. Та же ситуация наблюдалась и на оккупированных территориях Белоруссии, о чем идет речь в книге Мартина Дина «Коллаборация и Холокост»⁶².

Многие авторы выделяют такие мотивирующие факторы, как советские довоенные репрессии и вера в победу Третьего рейха. Франк Гольчевский и Джордж Беннет подчеркивают антисемитизм населения⁶³. Рауль Хильберг считает, что немецкие оккупанты меньше презирали местное население, чем поляков⁶⁴, и что украинцы, в отличие от поляков, не демонстрировали нежелание сотрудничать с немцами⁶⁵. Нельзя не согласиться с Мартином Дином в том, что мотивы и степень участия в антиеврейских акциях зависели также от конкретных обстоятельств и требуют внимательного анализа событий⁶⁶.

У большинства историков не вызывает сомнений материальная заинтересованность украинцев, граничащая в условиях оккупации с вопросом о физическом выживании, и нежелание быть вывезенным на работы в Германию⁶⁷. Свидетельства этому – не только в архив-

⁶⁰ *Golczewski F.* Die Ukraine im Zweiten Weltkrieg // *Geschichte der Ukraine*. – Göttingen, 1993. – S. 253–254.

⁶¹ *Прусин А.* Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941–1943 гг.: действия и мотивации // *Голокост і сучасність*. – 2007. – № 1. – С. 39.

⁶² *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. – New York: St. Martin's Press, 2000. – P. 70.

⁶³ *Golczewski F.* Die Ukraine im Zweiten Weltkrieg. – P. 253; *Bennet G. H.* Ibid. – P. 96.

⁶⁴ В то же время известно, что украинские полицейские получали меньшую зарплату, чем полицейские из Литвы и Латвии: *Прусин А.* Украинская полиция и Холокост... – С. 34.

⁶⁵ *Hilberg R.* Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933–1945 / Aus dem Amerikanischen von Hans Günter Holl. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1992. – S. 110.

⁶⁶ *Dean M.* Collaboration in the Holocaust... – P. 77.

⁶⁷ *Дерейко І.* Місцеві формування німецької армії... – С. 46–47; *Вронська Т.* Феномен «пособництва»: до проблеми кваліфікації співпраці цивільного населення з окупантами у перший період Великої Вітчизняної війни // *Сторінки воєнної історії України*. Випуск 11. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. – № 11. – С. 92; *Прусин А.* Украинская полиция и Холокост... – С. 47; *Dean M.* Collaboration in the Holocaust... – P. 60.

ных следственных делах на бывших полицейских, но и в сохранившихся немецких документах. Так, например, лейтенант жандармерии, командир 117-го шццманшафт-батальона, сформированного в Шполе в начале 1942 г. в количестве около 300 человек, подчеркивал в рапорте своему начальству в Киеве, командиру полиции порядка при руководителе СС и полиции в генеральном округе Киев, важность того, «чтобы оплата рядовому составу поступала своевременно, поскольку большая часть служащих имеет семьи и нуждается в деньгах. Я прошу, чтобы требуемые суммы денег привозились курьером. Совершенно невозможно выделять два раза в месяц людей для доставки денег»⁶⁸. Немаловажную роль в условиях товарного голода играло также получение продуктового пайка и мыла. Среди проблем снабжения, которые решались с большим трудом, оставалось обеспечение униформой, табаком и обувью. Тот же командир 117-го батальона писал в своих рапортах: «Обмундирование для части батальона так и не поступило. Внешний вид шццманов отвратительный. Они одеты в лохмотья [...]. Желание раздобыть махорку любой ценой приводит к тому, что украинские солдаты готовы обменять ее на что угодно, даже на полученное мыло»⁶⁹.

Однако хотелось бы обратить внимание и на непомерную алчность отдельных коллаборантов и членов их семей. В условиях удаленности от административных центров полицейские имели неограниченные возможности злоупотреблять своим служебным положением⁷⁰. Тому есть множество свидетельств как в воспоминаниях переживших Холокост, так и в архивных следственных делах. И дело не только в том, что евреев воспринимали как людей обреченных, без будущего. Так, Раиса Клетлер, проживавшая в с. Пятигоры, вспоминала, что «молодежь отправляли в Буки на каменный карьер [...]. Полицейские грабили дома, когда евреи были на работе»⁷¹. Пользуясь своим положением, полицейские отбирали вещи во время конвоирования и в самих лагерях. В некоторых случаях им открыто помогали их жены, что, конечно же, не оставалось незамеченным другими жителями сел и о чем они с готовностью рассказывали советским следователям после освобожде-

⁶⁸ Державний архів Черкаської області (далее – ДАЧО). – Ф. Р-2479с. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 7.

⁶⁹ Там же. – Арк. 27–28.

⁷⁰ *Прусин А.* Украинская полиция и Холокост... – С. 47.

⁷¹ USHMM, USC Shoah Foundation Visual History Archive. Raisa Kletler.

ния населенных пунктов от нацистов. Начальник Букской полиции Павел К. в июне 1942 г. у двоих работников забрал верхнюю одежду, белье и обувь. В сентябре того же года на работе в карьере снял и забрал себе у арестованного сапоги, брюки и рубашку. То, что он сам жил с семьей в глинобитной хате, крытой соломой, вряд ли может оправдать его действия. Кроме того, полицейские отбирали вещи и меняли в селах на водку⁷². Надо полагать, что такой жизнью они были вполне довольны, с материальной точки зрения, они жили лучше, чем при Советской власти. Со слов одной из свидетельниц, полицейский Денис К. говорил ей: «Ты думаешь, что при Советской власти будет хорошо? Я при немцах жил хорошо и еще буду жить как следует. Мне тюрьма не страшна, я при ней вырос»⁷³.

В то же время жажда наживы отдельных коллаборантов иногда делала их уязвимыми для подкупа. Известны случаи, когда за взятку полицейские могли помочь обреченным евреям. Так, Софью У., жительницу Шполы, во время селекции в Дарьевском лесу в конце мая 1942 г., когда работоспособных мужчин и женщин отправили в лагерь с. Бродецкое, а нетрудоспособных расстреляли, ее вместе с несколькими евреями отконвоировали назад в Шполу, и начальник райполиции, получивший от матери Софьи золотые часы, отвел ее домой⁷⁴.

После создания и охраны гетто⁷⁵, конвоирования к месту расстрелов и к рабочим лагерям, важной задачей полицейских, по словам бывшего начальника охраны трех лагерей в с. Ерки, Шестаково и Бродецкое Якова Г., была «бдительная охрана евреев»⁷⁶. Упомянутый начальник охраны понимал свои обязанности как такие, что давали ему право относиться к заключенным предельно жестоко и издевательски. По показаниям его подчиненных, которые они дали во время следствия после войны, он «старался выслужиться перед немецкими властями [...], всегда страшал: если у кого сбежит хоть один человек, то сядет на его место сам [...]». Когда они себе в лагере вари-

⁷² АЧОУСБУ. – Спр. 9308. – Арк. 35.

⁷³ Там же. – Спр. 5220. – Арк. 27.

⁷⁴ Там же. – Арк. 12673. – Спр. 144.

⁷⁵ Так, 117-й батальон шуцманшафта в Шполе принял непосредственное участие в переселении еврейского населения в гетто, а затем в конвоировании его узников к месту расстрела в Дарьевском лесу: ДАЧО. – Ф. Р-2479с. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 29.

⁷⁶ АЧОУСБУ. – Спр. 5430. – Арк. 24.

ли что-нибудь покушать из тех продуктов, которые они лично сами выпрашивали у населения, Г. не разрешал им варить [...], лично тушил костер, на котором варили пищу, а из чугунок приготавливаемую пищу выливал на землю, при этом этих евреев ругал и загонял в помещение»⁷⁷. Екатерина М., проживавшая рядом с лагерем в Шестаково, к которой «часто ходили евреи и еврейки то за хлебом, то за картошкой – они были голодные [...]», свидетельствовала об угрозах со стороны начальника охраны лагерей: «Если ты еще будешь в дальнейшем пускать к себе евреев, то вместе с ними и вас посажу»⁷⁸.

Видя жестокость начальства, не менее жестокими были и рядовые шуцманы. Так, Харитон П. «тоже бил евреев. Например, одну еврейку за то, что она отошла к колодцу напиться. От самого колодца до места работы гнал ее бегом и все время бил прикладом винтовки. Женщина от побоев сильно плакала и заявляла: За что же ты меня бьешь? Ведь я сильно хочу пить и не могу больше терпеть. Разве же я в этом виновата? – Это тебе за то, что ты не спросила моего разрешения»⁷⁹. «В июне 1942 г. на шоссеной дороге около 20 евреев копали канаву, стоя ногами в воде и грязи. Вода была холодная и босому [человеку] непрерывно работать невозможно. Харитон П. подошел к одному еврею и спросил: “Почему ты бросил копать канаву?”. Еврей ему ответил: “Замерзли ноги, вылез погреться”. После чего П. обругал его нецензурными словами, ударил ему один раз по спине прикладом и сразу же заставил копать канаву»⁸⁰.

В результате анализа архивных следственных дел в Архиве Черкасского областного управления СБУ Украины (далее – АЧОУСБУ) на 17 шуцманов, причастных к антиеврейским акциям в гетто и рабочих лагерях для евреев в районе Умани, выяснилось, что по социальному происхождению все они были из крестьян и в подавляющем большинстве, за исключением одного русского из Башкирии, местными жителями. Из данного количества только двое имели неоконченное среднее образование, остальные были малограмотными⁸¹.

⁷⁷ Там же. – Арк. 51, 54.

⁷⁸ Там же. – Арк. 61.

⁷⁹ Там же. – Арк. 66.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Похожие результаты отметили в своих книгах Мартин Дин, анализируя состав полиции в районе Баранова, Белоруссия (*Dean M. Collaboration in the Holocaust...* – Р. 74), и Александр Прусин по поводу украинских полицейских в генеральном округе Киев (*Прусин А. Украинская полиция и Холокост...* – С. 43).

12 человек из 17 побывали в немецком плену или дезертировали из Красной армии. Кроме того, двое имели за плечами бои на финском фронте и двое служили в войсках НКВД. В предложенной Александром Прусиным классификации украинских полицейских данная категория относится к группе так называемых инициативных конформистов. По его мнению, «эти элементы особо проявили себя в грабежах и насилиях над местным населением, которое их ненавидело»⁸². В анализируемых сведениях эта группа составляла подавляющее большинство, и их отношение к евреям, а также к нееврейскому населению подтверждает данный тезис. Один из полицейских, который служил в войсках НКВД, принимал участие в «освободительном походе» РСЧА в Западную Украину, в ходе которого войска НКВД занимались охраной переполненных тюрем, конвоированием польских военнопленных и организацией массовых депортаций. Позднее он стал комендантом трех рабочих лагерей. Именно о нем идет речь в приведенных выше эпизодах исключительно жестокого обращения с беззащитными узниками рабочих лагерей. Что характерно, он был жесток и со своими подчиненными, избивал их за нарушения. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что немецкие командиры 117-го шцуманшафт-батальона тоже не церемонились со своими украинскими подчиненными, полагая, что «чувство долга у украинских солдат отсутствует и может быть им привито только через показательные наказания. Единственное наказание, которое может подействовать на зачастую тупых украинских солдат, – это пинки. Мне кажется уместным предоставить соответствующим распоряжением украинским командирам батальона и рот право физического наказания»⁸³.

Кроме того, немецкие военнослужащие зачастую демонстрировали свое расовое превосходство по отношению к местным парамилитарным формированиям, от которых находились, по сути, в большой зависимости. В тех же документах 117-го батальона можно прочитать, что «размещение украинских солдат, привлеченных к проведению операций прежде всего в Христиновке, сопряжено с трудностями, так как другие немецкие подразделения отказываются проживать в одном доме с украинцами, хотя разделение помещения

⁸² Прусин А. Украинская полиция и Холокост... – С. 47.

⁸³ Державний архів Черкаської області. – Ф. Р-2479с. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 28.

уже обеспечено»⁸⁴. Нет сомнения, что со временем отношение полицейских к службе только ухудшалось⁸⁵, хотя вряд ли это касалось охраны рабочих лагерей и гетто, поскольку именно при помощи данных подразделений были уничтожены практически все привлеченные к работам на строительстве дороги в районе Умань – Кировоград осенью и зимой 1942 г. Единственный лагерь, 48 узникам которого посчастливилось выжить, был расположен в селе Антоновка возле Букского карьера, освобожден партизанами в ноябре 1943 г.⁸⁶

В ходе партизанских акций трое полицейских из 16-ти в с. Катеринополь были убиты. Позже еще трое были убиты в боях с Красной армией, начальник райполиции застрелился, один сбежал с немцами, остальные скрывались, но позже были выявлены и преданы суду. В других подразделениях шуцманшафта картина была примерно такая же, только часть из бывших полицейских, скрывая свое прошлое, вступила в ряды вернувшейся Красной армии. Будучи мобилизованными, они воевали теперь уже против немцев и получали советские боевые награды. Среди бывших служащих 117-го батальона шуцманшафта были даже награжденные орденом Славы и орденом Красной Звезды, что, впрочем, не облегчило их наказания после войны. Для осужденных за участие в убийствах гражданского населения мера наказания после войны составляла и по ст. 54-1а, и по ст. 54-1б либо 20–25 лет заключения, либо высшую меру наказания⁸⁷.

Ликвидация еврейских узников рабочих лагерей под Уманью и Звенигородкой совпала с массовыми и единичными расстрелами евреев Румынии и Украины в населенных пунктах вдоль всей магистрали в период с мая 1942 г. по декабрь 1943 г. Среди жертв и узники лагеря в Немороже, расстрелянные 23 августа 1942 г., и евреи лагеря в Смелчинцах, погибшие 2 ноября того же года. В декабре 1942 г. были расстреляны 113 евреев в лагере Шестаково. Расстрел проходил возле кладбища ранним утром при участии 5–7 жандармов Екатеринопольского и Звенигородского районов и около 20 полицейских. Обреченных приводили группами по 10 человек, заставляли раздеваться и ложиться в заранее подготовленную яму вниз лицом,

⁸⁴ Там же. – Ф. Р-2479с. – Оп. 1. – Спр. 1. – Арк. 27.

⁸⁵ Там же. – Арк. 28, 39.

⁸⁶ АЧОУСБУ. – Спр. 4729. – Арк. 20.

⁸⁷ Аналогичные результаты были получены А. Прусиним и Ю. Радченко – см. указ. соч.

после чего жандарм расстреливал их из автомата. Вначале были расстреляны мужчины, затем женщины. В тот же день были расстреляны узники лагеря в селе Бродецкое. В день расстрела в Шестаково начальник строительства Манштейн распорядился привести кузнец-еврея, проживавшего не в лагере, а в селе, к месту расстрела, где он был убит вместе со всеми узниками⁸⁸.

Есть свидетельства того, что расстрелы проводились сотрудниками службы безопасности Житомира, штабом Гизеке, руководством СС разных участков строительства дороги, отделением полиции безопасности магистрали, которое состояло из четырех рот, организацией ОТ, украинскими и литовскими отрядами охранной полиции⁸⁹.

Отношения евреев с местным населением в период нахождения в рабочих лагерях свидетельствуют о коллаборации части последнего с нацистами, когда сбежавших и прятавшихся евреев выдавали полицейским. С другой стороны, немало было и тех, включая представителей местной администрации и некоторых полицейских, кто помогал голодным и изможденным людям. Татьяна Шнайдер рассказывала: «На зиму (нас) перевели ближе к дороге, в Будыще, в клуб без окон и дверей. Староста принес свежую солому, забил окна, привез еду. 15 км ходили в Лысянку на каменный карьер. Там тоже военнопленных и местных жителей выгоняли [...]. Один полицейский относился очень хорошо, когда никто не видел, люди выносили еду евреям. Другие всегда были пьяные [...]. В 1943 г. опять отправили в Неморож, строили танковый полигон»⁹⁰.

Спасение немногих еврейских узников от гибели было возможно только благодаря самоотверженной помощи местного населения. Татьяну Шнайдер и ее подругу спасли полицейский Павел Никифорович Никитенко и его отец. Удивительное жизнелюбие и чувство юмора у Шнайдер: «Какие мы были толстые, что в одном ящике от снаряда мы попрятались»⁹¹. В феврале 1943 г. из Шполы Софья У. ушла на территорию Шполянского лесничества к Овчаренко Анне Ясоновне и прожила у нее до лета, а затем сменила свою фамилию на Захарченко Софью и ушла в Кировоградскую область, где работа-

⁸⁸ АЧОУСБУ. – Спр. 227. – Арк. 28.

⁸⁹ Archiv IfZ. – G1 01/06/2. – S. 556.

⁹⁰ USHMM, USC Shoah Foundation Visual History Archive. Tat'iana Shnaider.

⁹¹ Ibid.

ла в общинном хозяйстве и жила в общежитии⁹². Любовь В. 24 декабря 1942 г. от местных жителей узнала, что в еврейском лагере с. Бродецкое начались расстрелы. На рассвете следующего дня она ушла в Хмелевский район Кировоградской области, где проживала до июня или июля 1943 г., работая в общинном хозяйстве, затем ее отправили на работу в Германию в г. Гермсдорф, провинция Тюрингия, на военный завод⁹³.

В ходе интервью с жителем Звенигородки Леонидом Яковичем Браславским выяснилось, что еврейскую семью Гутмахер накануне расстрела в Буках предупредил один из полицейских, и благодаря этому она спаслась. После освобождения частями Красной армии оккупированной нацистами территории этот полицейский был осужден военным трибуналом, но по отбытии срока наказания вернулся на родину и поддерживал дружеские отношения со спасенными им людьми⁹⁴.

Таким образом, строительство шоссейных дорог в оккупированной Украине требовало привлечения в качестве рабочей, вернее, рабочей, силы как военнопленных, так и гражданского населения, в том числе евреев. Условия работы были для всех рабочих, несомненно, одинаково тяжелыми, однако евреи по окончании работ были обречены на смерть, в то время как гибель военнопленных могла быть отсрочена их последующей отправкой на работу в Германию. Судьба же местного населения зависела от множества факторов: степени вовлечения в коллаборацию, репрессий со стороны оккупантов, отправки на работу в Германию, принудительной или добровольной эвакуации при их отступлении, репатриации на родину после войны или же эмиграции в третьи страны.

⁹² АЧОУСБУ. – Спр. 12673. – Т. 2. – Арк. 144.

⁹³ Там же. – Арк. 209–210.

⁹⁴ Транскрипт интервью с Л. Я. Браславским. Записано 18.01.2017. Архив автора.